

18+

Ян Таль
*Снежинка для звёздочки или
Секунда до...*

Ян Таль

**Снежинка для звёздочки
или секунда до...**

«Издательские решения»

Таль Я.

Снежинка для звёздочки или секунда до... / Я. Таль —
«Издательские решения»,

Фёдор не был там, когда бомба упала на их дом. Годы он жил с виной — семья бесследно исчезла, пока в канун Нового года к нему не постучался волшебный почтальон с письмами, написанными женой и дочерью. Теперь у него есть один день, чтобы восстановить магию города, пройти сквозь застывший мир и победить собственную Тень — страх. И вернуть любимых. Но магия требует цену. И самая высокая из них — память. Взрослая новогодняя сказка о том, что даже когда всё застыло, остаётся выбор — идти.

© Таль Я.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Письма из метели	6
Глава 2. Карта из инея	9
Глава 3. Тихий шёпот старого дома	13
Глава 4. Лунный Парк	16
Глава 5. Врата в застывший мир	19
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Снежинка для звёздочки или секунда до...

Ян Таль

© Ян Таль, 2026

ISBN 978-5-0070-0371-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Письма из метели

За окном метель кружила так, будто сама зима рисовала в воздухе свои узоры.

В старом доме на окраине города тускло горел свет лампы. Фёдор, мужчина лет сорока, с усталым лицом и седой прядью в волосах, сидел у камина.

Перед ним — чашка горячего чая и фотография, слегка обожжённая по краю. На ней — счастливая семья: жена, дочь и он сам.

Прошло много лет с тех пор, как война унесла всё, что было ему дорого. Дом, где они смеялись и встречали Новый год, превратился в руины. Он ушёл добровольцем, потом долго скитался, а вернувшись — нашёл себя один на один с тишиной.

Фёдор привык к одиночеству. Сегодня, как и каждый год 30 декабря, он зажжёт свечу, вспоминая тех, кого уже нельзя обнять. Но в этот вечер что-то изменилось.

Вдруг послышался тихий стук в окно — несмелый, будто замирающий от холода. Фёдор подошёл и отодвинул занавеску.

На подоконнике, прямо посреди снежной метели, сидело странное существо — маленький человечек в поношенном зелёном плаще, с крылышками, поблёскивающими серебром. На его спине висела сумка, из которой выглядывали конверты.

— Замёрз... — прошептал он, стряхивая снег. — Я почтальон. Волшебный.

— Заходи! Волшебный почтальон, — Фёдор отступил от окна и распахнул дверь. — А то совсем околеченешь...

Фёдор пустил его в дом, усадил у камина, укутал пледом, налил горячего чаю. Существо благодарно вздохнуло, отогревая ладони.

— Спасибо, хозяин. Давно не встречал такой доброты.

Они сидели молча. Почтальон пил чай, поглядывая на потрёпанную фотографию, заботливо помещённую в простенькую деревянную рамку.

Фотография счастливой семьи, излучающей любовь... Фёдор заметил его вопросительный взгляд и горько усмехнулся.

— Это было давно. Очень давно.

— Семья? — тихо спросил почтальон.

Фёдор кивнул. Слова шли медленно, отрывисто, будто каждое причиняло боль.

— Война. Бомбёжка. Дом разрушен... Я искал их. Везде. В больницах, в списках... Даже на кладбищах. Ничего. Никаких следов. Будто их и не было, — он замолчал, сжимая чашку. — Я думал, что если бы хоть похоронили, то я бы знал, куда прийти. Но даже этого нет.

Почтальон слушал внимательно, его серебряные крылышки тихо вздрагивали.

— И ты перестал искать?

— Да. Ушёл на фронт. Думал, что хоть так... буду рядом с ними, — Фёдор усмехнулся. — Звучит глупо, правда?

— Нет. Звучит как любовь, — тихо ответил почтальон.

Фёдор посмотрел на него удивлённо, но промолчал. За окном метель стихала, оставляя после себя тишину, похожую на ожидание.

— У меня в сумке письма, — вдруг произнёс почтальон. — Некоторые из них я ношу годами. Они идут по старым адресам, до востребования. Люди пишут, надеются... но адресаты не приходят за ними.

Он открыл сумку, достал несколько конвертов, разложил их на столе. Фёдор смотрел на них отстранённо — чужие письма, чужие надежды.

— Вот это письмо, — почтальон поднял один конверт, — пришло пять лет назад. Женщина пишет своему мужу. Говорит, что приедет перед Новым годом. К тому месту, где когда-то был их дом. Просто постоит там. На случай, если он придёт.

Фёдор нахмурился.

— А он знает?

— Не знаю. Письмо не дошло. Адрес старый — до востребования, городская почта. Никто не забирал.

Почтальон взял другой конверт, почерк тоньше, детский.

— А это — от девочки. Она пишет папе. Каждый год, перед Новым годом. Говорит, что мама устала верить, но она — нет. Она пишет вместо мамы. И они приезжают вместе. Каждый раз.

Голос Фёдора сорвался:

— Куда?

Почтальон медленно протянул конверт Фёдору. Чернила были немного смазанными, но текст можно было прочитать — адрес получателя.

Фёдор узнал почерк. Узнал город. Узнал улицу.

Руки задрожали. Он взял письмо, открыл его — и увидел слова, написанные рукой его дочери:

«Папа, мы приедем снова. 31 декабря. Как всегда. Мы верим, что ты жив».

Почтальон тихо поднялся, положил руку на плечо Фёдора.

— Я только сейчас понял... эти письма — для тебя.

Фёдор не мог говорить. Он читал одно письмо за другим — от жены, от дочери, от обеих сразу. Годы надежды, терпения, любви, упакованные в конверты, которые блуждали по миру в поисках адресата.

Всю ночь они сидели у камина. Фёдор читал, плакал, улыбался. А почтальон молча грелся у огня, его серебряные крылышки мерцали в отблесках пламени.

Когда рассвело, метель совсем утихла. Снег за окном сверкал, как тысячи крошечных звёзд.

— Сегодня, — сказал волшебный почтальон, улыбаясь, — они придут.

Фёдор подошёл к окну и посмотрел вдаль. Впервые за много лет он почувствовал — не одиночество, а ожидание.

31 декабря. Последний день года. И, может быть, первый день новой жизни.

Глава 2. Карта из инея

Фёдор проснулся от тишины. Не от звука, не от света — от тишины. Той самой, что бывает только после метели, когда мир замирает, укрытый снегом, и даже ветер боится нарушить покой.

Он открыл глаза. Камин едва тлел. Письма всё ещё лежали на столе, аккуратной стопкой — доказательство, что прошлая ночь была не сном.

Почтальона не было. Фёдор поднялся с кресла, где задремал под утро. Спина ныла, но он не обратил внимания. Подошёл к окну.

За стеклом — белый мир. Снег лежал толстым слоем, сверкая на солнце, как россыпь бриллиантов. Метель ушла, оставив после себя чистоту.

И узор.

На замёрзшем стекле, словно нарисованный невидимой рукой, проступал иней. Но это был не просто хаотичный узор зимы. Это была карта.

Фёдор придвинулся ближе.

Тонкие линии инея складывались в улицы, площади, здания. Он узнал свой город — старый, знакомый, тот, что помнил с детства.

— Карта? — пробормотал Фёдор, приблизившись к стеклу. — Зачем карта?

Он провёл пальцем по инею — холодный, влажный, но не тающий. Будто кто-то нарочно оставил послание.

В центре карты, ярко выделенная, светилась точка — его дом. А дальше, по всему городу, мерцали ещё несколько точек. Они словно пульсировали, то разгораясь, то затухая, будто умирающие звёзды.

На столе, рядом с письмами, лежала салфетка. На ней было аккуратно выведено карандашом:

Фёдор,

Прости, что ушёл, не попрощавшись.

Почтальоны не умеют прощаться — только приносить вести.

Ты спас меня этой ночью — дал тепло и кров.

Теперь я прошу: спаси магию.

Без неё письма не доходят. Без неё надежда гаснет.

Без неё любимые сердца не смогут встретиться.

Нельзя медлить. Люди не должны терять надежды обрести своё счастье и любовь, увидеть своих любимых.

Карта — на окне.

Твоё большое сердце подскажет, что делать.

Ты справишься. Я знаю.

Твой друг,

Волшебный Почтальон

P.S. Помнишь, что я сказал?

«Звучит как любовь».

Ты знаешь, что это значит.

Ты делал это раньше.

Фёдор перечитал записку дважды. Потом ещё раз.

«Спаси магию».

Он посмотрел на карту. На мерцающие точки, которые гасли прямо на глазах.

— Почему я? — тихо спросил он пустую комнату.

Ответа не было. Только тишина.

Он сжал салфетку в руке.

— Я не герой. Я просто... я просто хочу увидеть их.

Но слова почтальона эхом отзывались в голове: «Без неё любимые сердца не смогут встретиться».

Если магия исчезнет... встречи не будет?

Фёдор подошёл к столу, взял фотографию. Жена. Дочь. Он сам — молодой и счастливый.

— Я столько лет их искал, — прошептал он. — Не могу уйти сейчас. Не могу.

Но почтальон сказал: «Они придут».

Сегодня. 31 декабря.

Если он уйдёт... что, если они придут, а его не будет?

Что, если он не успеет вернуться?

Страх сдавил горло.

— Я не справлюсь.

Слова почтальона снова:

«Звучит как любовь».

Слова обожгли. Рука, держащая салфетку, задрожала.

И он вспомнил.

Зима.

Разрушенная деревня на окраине фронта.
Дым пожарищ поднимался к серому небу.
Фёдор шёл осторожно, автомат наготове. Проверял дома — не осталось ли раненых, засад.
Скрип половиц в полуразрушенном доме.
Он замер. Развернулся.
Выстрел.
Пуля пробила флягу на поясе — вода хлынула, замерзая на лету.
Фёдор рефлекторно ответил огнём.
Враг упал, тяжело дыша, прижимая руку к груди. Кровь.
Фёдор подбежал, выбил из его рук винтовку. Навёл ствол.
Враг не сопротивлялся. Только смотрел — не с ненавистью, а с мольбой.
Он протянул дрожащую руку. В ней — конверт. Измятый, в крови.
— Пожалуйста... — прохрипел он. — Родителям. Город... адрес... внутри...
Он кашлянул. Из конверта выпала фотография — пожилая пара, улыбающаяся, на фоне дома.
— Скажи... что я их... любил...
Враг закрыл глаза. Дыхание оборвалось.
Тишина.
Фёдор стоял над телом, письмо в руках. Враг. Убийца. Солдат.
И — чей-то сын.
Тихий всхлип из подвала.
Фёдор замер. Спустился вниз. В темноте, сжавшись в комок, сидели трое детей. Мальчик лет десяти, девочка лет семи, малыш на её руках.
Мальчик встал, заслоняя младших:
— Не трогайте их! Убейте меня, но их — нет!
Фёдор опустил автомат.
Он увидел в мальчике — себя. В девочке — свою дочь. В младенце — всех детей, которых война сделала сиротами.
— Кто вы? — тихо спросил он.
— Мы... — мальчик заплакал. — Дядя Карл прятал нас. Он сказал, что вернётся... Но не вернулся...
Дядя Карл. Тот, кто лежал наверху с пулей в груди.
Тот, кто до последнего вздоха защищал их.
Тот, кто просил передать письмо родителям.
Фёдор вынул из вещь мешка потрёпанное солдатское одеяло. Укутал детей.
Достал последний паёк — хлеб, тушёнку. Положил перед ними.
— Сидите здесь до утра. Потом идите на запад. Скажете, что вас отпустил солдат Фёдор. Вас пропустят.
Он развернулся, не глядя на них. Потому что, если бы посмотрел — не ушёл бы.
Наверху он остановился у тела врага.
Убийца. Защитник. Человек.
Фёдор забрал письмо и фотографию. Сунул во внутренний карман гимнастёрки.
— Я передам, — сказал он тихо. — Обещаю.
Прошло три месяца.
Война шла. Но письмо жгло карман.
Фёдор добрался до города, указанного на конверте. Нашёл адрес.
Старый дом. Заколоченные окна.
Но дверь открылась.

Пожилая женщина. Те же глаза, что на фотографии.

Фёдор протянул письмо.

— Это... от вашего сына. Карла. Он просил передать.

Женщина взяла конверт дрожащими руками. Узнала почерк. Заплакала. Беззвучно. Как плачут те, кто уже отчаялся. Из дома вышел пожилой мужчина — отец. Увидел Фёдора. Форму. Врага.

— Ты! — он кинулся вперёд, кулаки сжаты. — Ты убил его! Ты!

Фёдор не двинулся. Принял удар. Заслужил.

Но вдруг из-за угла выскочил мальчик. Тот самый — из подвала.

— Стойте! — крикнул он. — Не трогайте его! Это он! Это солдат Фёдор!

Он подбежал, схватил старика за руку:

— Он спас нас! Дядя Карл прятал нас, а потом пришёл этот солдат. Он мог убить нас, но не стал! Он дал нам еду, одеяло! Он сказал, куда идти! Он спас нас!

Старик замер.

Мать подняла голову, слёзы на щеках:

— Ты... спас детей, которых прятал наш Карл?

Фёдор кивнул.

— Он защищал их до конца. Он умер, как герой. Он просил... сказать вам, что любил вас. Молчание.

Старик медленно опустил руки. Посмотрел на Фёдора — не с ненавистью, а с чем-то другим.

— Спасибо, — прохрипел он. — За письмо. За детей. За... за то, что ты остался человеком.

Фёдор развернулся и ушёл. Он не заслуживал благодарности.

Но он выполнил обещание.

Фёдор вздрогнул, возвращаясь в реальность.

Рука всё ещё держала записку.

«Звучит как любовь».

Да. Тогда это было любовью. Любовью к жизни. К детям. К чужим родителям, потерявшим сына.

Даже у врага есть семья.

Даже у врага есть любовь.

Даже враг — человек.

Он понял это тогда, у того полуразрушенного дома.

И именно поэтому — именно поэтому — он достоин вернуть магию.

Потому что он знает: письма должны доходить.

Всегда.

Любой ценой.

Он посмотрел на карту из инея на окне.

Несколько мерцающих точек. Они гасли.

— Ладно, — сказал он тихо фотографии на столе. — Я сделаю это. Ради них. Ради всех.

Федор взял письма, сложил их во внутренний карман старой рабочей куртки. На секунду его взгляд застыл на шинели, на затёртых медных пуговицах, она прошла с ним через всю войну. Он резко отогнал волну вновь нахлынувших воспоминаний и решительно шагнул к выходу.

Морозный воздух ударил в лицо. Город просыпался — последний день года.

Фёдор посмотрел на карту ещё раз. Первая точка пульсировала — она была близко.

Впервые за много лет он шёл не прочь от людей — а к ним.

Глава 3. Тихий шёпот старого дома

Первое место оказалось там, где он меньше всего хотел быть — у руин старой школы, где когда-то его дочь рисовала новогодние открытки.

Фёдор сжал письма в кармане, сделал вдох — и вошёл.

* * *

Самодельная звезда из картона...

Он поднял её к ветке.

Золотая краска немного облезла, края потрепались, но она всё ещё светилась — мягким, тёплым светом, будто внутри горела свеча.

Фёдор стоял у старой ели во дворе школы.

Снег падал тихо, крупными хлопьями. Ветер стих. Мир замер, словно ждал.

Фёдор повесил звезду.

И вспомнил, как он сюда попал.

Двадцать минут назад

Внутри школы было тихо. Коридор, покрытый снегом. Пустые классы.

Фёдор шёл, следуя карте.

И вдруг услышал:
— Дядя, вы ищете что-то?
Он обернулся. В школе кто-то был.
В дверном проёме стояла девочка. Лет восьми. Светлые волосы, заплетённые в косички.
Красное драповое пальто. Босые ноги.
Она подбежала к нему и протянула руку:
— Идёмте. Я покажу.
Фёдор машинально взял её ладошку.
Мир изменился.
Стены выпрямились, побелели. Окна засияли чистым стеклом. Снег за окнами растаял
— стало тепло.
Коридор наполнился голосами.
Дети.
Они бежали мимо, смеясь, толкаясь. Девочки в белых фартуках, мальчишки в тёмных костюмах. Кто-то нёс гирлянды, кто-то — коробку с ёлочными игрушками.
Фёдор замер.
— Не бойтесь, — тихо сказала девочка. — Они вас не видят. Это их время, не ваше.
Она повела его дальше.
Фёдор шёл, как во сне. Дети проносились мимо, но не замечали его. Он был призраком в их мире.
Или они — в его?
В классе — ёлка, украшенная самодельными игрушками. Учительница раздаёт детям краски и картон. Смех. Радость.
— Вот здесь, — сказала девочка, — мы делали звёзды. Каждый свою. Для своих родителей.
Фёдор посмотрел на парты, на детские руки, старательно раскрашивающие картон.
Девочка тихо продолжила:
— Одна девочка делала звезду для папы. Она очень старалась. Хотела, чтобы он всегда находил дорогу домой.
Фёдор на секунду закрыл глаза.
Вспомнил.
Дочь, склонившаяся над столом. Золотая краска на пальцах. Серьёзное лицо, высунутый от усердия кончик языка.
«Папа, не подглядывай! Это сюрприз!»
Он открыл глаза. Слезы застилали зрение.
Девочка взяла его за руку:
— Она оставила её здесь. Ждала. Вот.
Она повела его к окну.
Мир погас.
Фёдор моргнул.
На занесённом снегом подоконнике, среди пыли, лежала звезда.
Он взял её в руки — и она ожила.
Тёплый свет разлился из неё. И он услышал голос. Голос своей дочери.
«Папе. Чтобы ты всегда находил дорогу домой. Твоя звёздочка».
Руки задрожали.
Девочка тихо сказала:
— Повесьте её на ель. Ту, что во дворе. Тогда дети вернутся. Тогда магия вернётся.
Фёдор кивнул, не в силах говорить.
Девочка улыбнулась:

— Вы помните её. Вы всё ещё верите. А это и есть магия, дядя Фёдор.
Он вышел из класса, крепко зажав звезду в руке.
Девочка шла рядом, тихая, как тень.
Настоящее.
Фёдор повесил звезду на ветку ели.
И она вспыхнула.
Яркий, золотой свет разлился по двору, осветив всё вокруг — снег, деревья, стены школы.
Снег вокруг замерцал — каждая снежинка стала маленькой звездой.
Воздух наполнился теплом.
Фёдор услышал — тихо, издали — детский смех. Голоса. Песни.
Эхо прошлого.
Или — будущего?
Он обернулся.
Девочка стояла рядом, глядя на звезду. Она улыбалась.
— Спасибо, дядя Фёдор, — прошептала она. — Теперь мы вернёмся.
Она улыбнулась и добавила тихо:
— Иди дальше. Тебя ждут.
И вспыхнула ярким светом, рассыпавшись золотыми искрами, которые, кружась, опустились на снег.
Фёдор остался один.
Но не чувствовал одиночества.
Магия вернулась. Он чувствовал её — в воздухе, в снеге, в свете звезды.
Лёгкая эйфория наполнила грудь. словно морозный воздух стал невесомым и его хотелось вдыхать... вдыхать.
Он достал из кармана перерисованную с окна наспех карту.
Неровные наброски карандашных линий вдруг выпрямились. На карте засияли точки, выведенные в кружки.
Первая точка погасла. Вторая — пульсировала, яркая, зовущая.
Лунный Парк.
Так дочь называла старый сквер с ивой у пруда. Летом там серебрилась лунная дорожка на воде, а зимой луна заливала всё вокруг светом — будто волшебство.
«Луна-прогульщица», — смеялась дочь, когда ночное светило не появлялось на небе. — «Она опять прогуляла работу!»
Фёдор улыбнулся.
Впервые за много лет — по-настоящему.
Он повернулся к школе, посмотрел на звезду, горящую на ели.
— До встречи, — тихо сказал он.
И пошёл дальше.
Город просыпался. Солнце пробивалось сквозь облака.
Внутри — тепло.
Магия вернулась.
И он — тоже.

Глава 4. Лунный Парк

Снег под ногами был ещё не притоптанным — утренне-хрустящим. Воздух — прозрачным и холодным, как стекло.

Карта в кармане тепло отзывалась — вторая точка пульсировала, словно маленькое сердце.

«Опять туда же, — отметил кто-то в стороне. — Учишься ходить по прямой. Или... тебя ведут?»

Фёдор остановился у знакомой ивы. Над прудом висела бледная, почти дневная Луна — её отчётливое отражение рисовало круг на тонком слое льда. Словно ночь, уходя, забыла здесь своё отражение.

Он протянул руку.

И мир дрогнул.

Звук шагов, далёкий шум машин, редкие голоса — всё ушло словно под воду. Осталась только тишина и лёгкое мерцание льда.

Тень, стоявшая у входа в парк, резко сжала пальцы:

«Снова исчез. Как у школы. Ты так уверен, Фёдор, что там, где меня нет, безопасно?»

Под ветвями ивы свет стал другим — лунным, густым и серебристым. Снег поблёскивал изнутри, как если бы в каждой снежинке спрятали крошечную лампу.

Фёдор наклонился и поднял с перил моста маленький прозрачный кусок льда в форме полумесяца. Потрогал — острый край, гладкая внутренняя сторона. Лёд не обжигал, а наоборот — странно успокаивал руку.

На лавке под слоем снега нашёлся круглый стеклянный фрагмент колбы от старого фонаря. Он стряхнул снег и приложил лёд к стеклу — они соединились так, словно принадлежали друг другу.

Со свисающей ветви ивы Фёдор осторожно снял зацепившуюся нить — от детского шарфа. Обмотал нить вокруг стекла и льда, стянул и завязал узел.

Сосуд ещё был пуст, но уже казался живым.

Под ивой, из света и тени, вышла девочка. Та, что вела его по коридорам школы. Она не сказала ни слова. Просто подошла ближе и подняла глаза — вопросительно, но спокойно.

Фёдор протянул ей изготовленный сосуд.

Она слегка коснулась его пальцев, разворачивая ладони так, чтобы лёд и стекло смотрели вниз, ко льду пруда. Медленным, точным жестом направила его руки туда, где отражение луны было ярче всего.

Они наклонились вместе.

Дыхание Фёдора коснулось холодной поверхности — тонкий туман сорвался с губ, лёг на лёд, нарисовав на нём узор, похожий на снежинку. Девочка чуть улыбнулась глазами и мягко толкнула его руки вниз, к самому отражению.

В тот миг, когда край сосуда коснулся лунного следа, свет двинулся.

Сначала робко — тонкая струйка серебра потянулась вверх, как дым. Потом сильнее — лунный луч словно вспомнил, куда ему надо, и вошёл внутрь целиком, заполняя сосуд. Он засветился мягким и живым светом, не режущим глаза, но заставляющим сердце биться чуть быстрее.

Фёдор затаил дыхание.

Девочка накрыла его пальцы своими, словно запечатывая свет. В её безмятежном взгляде не было ни радости, ни тревоги — только тихая уверенность: так и должно быть.

Они молча стояли так несколько мгновений. Им не нужно было слов — всё уже было сказано этим светом.

Девочка отпустила его руки и шагнула назад.

Лунный свет в сосуде чуть дрогнул, но не погас. Она кивнула — почти незаметно, и растворилась в сиянии под ветвями ивы.

Фёдор остался один.

Поднял сосуд ближе к лицу. Лунный свет внутри тихо пульсировал, отбрасывая на его ладони холодные, но почему-то тёплые по ощущению блики. Он почувствовал мощный прилив в груди — будто кто-то наполнял его силой; это было новое, знакомое и потрясающее ощущение.

Он сделал шаг назад — из-под ивы, из этого странного слоя тишины.

Мир вернулся — вместе с далёким шумом города, скрипом снега, лаем собаки за оградой. Но воздух всё равно стал другим: свет чуть гуще, тени — мягче.

У входа в парк кто-то стоял, прислонившись к фонарному столбу. Низкий силуэт, тёмное пальто, через плечо — ремень тяжёлой сумки. На мгновение показалось, что в руке блеснул угол конверта.

Фёдор поднял глаза, но фигура уже растворилась в полосе света между фонарями. Может быть, там никого и не было.

«Ты вернулся. И принёс это с собой», — недовольно отметила Тень. — «Значит, там, где я слеп, стало ярче».

«И здесь — тоже», — она прислушалась к себе.

Свет от сосуда, спрятанного в его ладони, не обжигал — но что-то в привычной атмосфере парка стало тоньше. Как треснувший лёд, по которому ещё можно идти, но каждый шаг — уже ставка.

«Радуйся, Фёдор. Радуйся, пока можешь. Чем выше поднимаешь свет, тем дальше будет падать тень, когда он вдруг погаснет», — фыркнула себе под нос Тень.

Глава 5. Врата в застывший мир

Фёдор шёл по знакомым улицам, крепко держа в руке сосуд с лунным светом. Внутри него тихо пульсировал серебристый огонёк — живой, тёплый, несмотря на мороз.

Он достал из кармана карту.

Она изменилась снова.

Первая точка погасла, а вторая едва светилась — Лунный Парк. Появилась третья, яркая, словно зовущая. Она вела его на окраину города, к воротам старой лодочной станции.

Фёдор замер.

Река Невер.

Он помнил это место. Летом они брали напрокат лодку и плыли на Лесной остров, где устраивали пикники, жарили сосиски на костре. Дочь собирала полевые цветы, жена читала книгу под ивой, а он просто лежал на траве и смотрел в небо.

«Зачем туда?» — вопрос эхом отозвался в голове.

Ответ пришёл сразу:

«Не только ради них. Ради чего-то большего. Ради магии, о которой просил почтальон».

Он дал обещание волшебному почтальону, девочке из школы, самому себе.

«Я выполню его. Чего бы это ни стоило».

Фёдор убрал карту и пошёл быстрее.

Снег скрипел под ногами. Город проснулся — последний день уходящего года. Где-то играли дети, кто-то в второпях нёс ёлку, кто-то радовался празднику.

А он шёл туда, где когда-то был счастлив.

Старые ворота у лодочной станции стояли закрытыми.

Ржавые прутья, облупившаяся краска. Табличка «Лодочная станция «Невер» давно упала и валялась в снегу.

Фёдор подошёл ближе.

Сосуд в его руке вспыхнул.

Серебристый свет рванулся из него тонкими нитями — словно живыми — и потёк по решётке ворот. Ржавчина исчезла. Металл засветился узором — лунным, древним, красивым.

Ворота дрогнули.

Фёдор протянул руку. Коснулся холодного металла.

И мир взорвался.

Сначала появился звон в ушах.

Высокий, пронзительный, как крик.

Потом появился вкус металла и инея на языке. Холодный, острый.

Мир растянулся. Его тело словно продавливали сквозь тонкую плёнку.

Секунда. Две.

Тишина.

Фёдор открыл глаза.

Мир вокруг был чёрно-белым. Как старая киноплёнка. Как выцветшая фотография.

Хлопья снега повисли в воздухе — каждый на своём месте, неподвижный, словно кто-то нажал на паузу.

Фёдор поднял руку — задел снежинку. Она качнулась, но не упала.

Он огляделся.

На мосту через пруд — мальчик в прыжке, застыл надо льдом. Руки раскинуты, рот открыт — крик радости навсегда застыл на губах.

У края тропинки, застывшая мама с санками. Она наклонилась поправить шарф ребёнку. Её лицо нежное и заботливое.

На лавочке — старик с газетой. Очки сползли на нос, губы приоткрыты, как будто он читал вслух.

Всё застыло.

Фёдор повернулся к реке.

Лёд сковал реку, как толстое стекло. Снежинки, собирающиеся укрыть её белым покрывалом, так и не смогли сделать своё дело.

Осваиваясь в новом мире, Фёдор осторожно подошёл к реке.

На берегу семья устроила пикник у костра. Отец раскладывал дрова. Мальчик с мамой играл в снежки, их лица застыли в смехе, руки подняты, снежки повисли в воздухе.

Фёдор сделал шаг.

Тишина этого мира давила — плотная, тяжёлая, словно сама поглощала любой звук. Он попытался что-то сказать:

— Кто здесь?

Голос прозвучал — тихо, глухо, как под толщей воды, но прозвучал.

Он посмотрел на свои руки, на себя. Его куртка — синяя. Руки — живого тёплого оттенка. Сосуд в ладони — серебристо-золотой, пульсирующий светом. Единственные краски в этом мире.

Фёдор понял.

«Магия здесь не исчезла. Она застыла вместе с миром».
За воротами, в обычном мире, Тень резко дёрнулась.
Она почувствовала — мощный переход. Свет хлынул сквозь ворота, как волна, и затянул её. Она не успела отступить. Мир перевернулся.
Секунда боли — и всё встало на место.
Тень открыла глаза.
Чёрно-белый мир. Застывшие люди. Тишина.
И она — цветная. Тёмно-серая, с холодными бликами, как мокрый камень под луной.
Тень попыталась сказать что-то — рот открылся, но звука не было. Только мысль в голове.
«Что за...»
Она попробовала ещё раз, но ничего — голос исчез.
Тень сжала кулаки.
И тут перед ней дрогнул воздух. Из монохромного фона выступила фигура.
Высокая. Угловатая. Длинное пальто цвета пепла. Широкополая шляпа, скрывающая лицо.
В руке — золотая трость в виде часовой стрелки, с выгравированными римскими цифрами по всей длине.
Фигура была цветной — но бледнее Фёдора. Словно выцветшая фотография.
Регулятор.
Он смотрел на Тень. Под полями шляпы — два бесцветных глаза, как часовое стекло.
Голос его был ровным, механическим и презрительным:
— Ты.
Он наклонил голову, словно разглядывая насекомое:
— Паразит.
Тень попыталась ответить — губы двигались, но ничего не вышло.
Регулятор усмехнулся — холодно, почти с издёвкой:
— Ты даже говорить не можешь. Жалкое создание. Ты не принадлежишь этому миру. Ты — случайность. Ошибка. Ты проскользнула за ним, как тень за светом.
Он сделал шаг ближе. Трость ударила о землю — звук прогремел, гулкий, как удар молота:
— Ты здесь ничто. Бессильна. Не можешь говорить. Не можешь действовать. Не можешь даже защититься.
Тень попыталась двинуться — но ноги не слушались. Словно её придавило невидимым весом.
Регулятор выпрямился и ткнул тростью в её сторону:
— Этот мир — моя ответственность. И я храню его равновесие. А ты — помеха.
Он повернулся, кивнул туда, где шёл Фёдор:
— Запомни... Если отстанешь от него — застынешь. Навсегда. Как они.
Регулятор сделал жест в сторону застывших людей.
— Если он заметит тебя — застынешь. Навсегда.
Он сделал паузу и продолжил:
— Если попытаешься вмешаться — я сам тебя остановлю. И поверь мне, паразит, ты станешь украшением этого мира. Вечным. Неподвижным. Бесполезным.
Регулятор наклонился ближе — лицо почти касалось её:
— Понятно?
Тень не могла ответить. Но её глаза горели — яростью, унижением, бессилием.
Регулятор выпрямился:
— Хорошо. Ползи за ним. Молча. Как тень.

Он презрительно фыркнул и растворился, как дым.

Тень осталась одна. Она сжала кулаки так сильно, что ногти впились в ладони.

«Проклятье...»

Она посмотрела туда, куда ушёл Фёдор.

«Если он уйдёт — я застыну здесь навсегда».

Тень двинулась следом — медленно, осторожно, держась в тени застывших деревьев.

Фёдор шёл вдоль берега реки.

Застывшие сцены манили — семьи, смех, счастье. Всё, что когда-то было. Всё это застыло.

Он сжал сосуд в руке. Лунный свет внутри пульсировал — тихо, но настойчиво.

«Что мне здесь нужно сделать?»

И тут он увидел её.

Маленькую девочку.

Она стояла на тропинке, руки вытянуты вниз. Ёлочная игрушка — стеклянный шар с нарисованной снежинкой, висел в воздухе в миллиметре от земли.

На её лице застыл испуг. Глаза распахнуты. Губы приоткрыты. Первые капли слёз уже на ресницах. Они ещё не успели упасть — застыли.

Фёдор замер. Сердце сжалось от воспоминания.

Как его дочь уронила любимую игрушку — подарок от бабушки, — и застыла в ужасе, не смея дышать.

А потом заплакала — горько, безутешно.

«Папа, я разбила... папа, прости...»

Тогда он обнял её и сказал:

«Ничего страшного. Всё можно исправить».

Фёдор медленно присел перед застывшей девочкой. Протянул руку к игрушке. Пальцы почти коснулись стеклянного бока.

Воздух неожиданно дрогнул.

Фёдор остолбенел.

Перед ним материализовалась фигура. Высокая. Бледная. Пальто цвета пепла. Широкополая шляпа. Трость-стрелка с римскими цифрами.

Регулятор.

Он стоял между Фёдором и девочкой.

Голос его был ровным и твёрдым, почти уважительным:

— Не трогай.

Фёдор медленно опустил руку. Бесцветные глаза из-под шляпы смотрели на него внимательно, изучающе.

— Всё, чего ты касаешься, ты меняешь. А я, знаете ли... не люблю перемены.

Регулятор продолжил:

— Этот мир застыл не по моей воле. Но теперь он под моей защитой.

Он сделал шаг в сторону, открывая вид на застывших людей:

— Здесь всё идеально. Потому что не движется. Нет боли. Нет потерь. Нет разочарований. Идеально.

Он повернулся к девочке:

— Видишь, она не плачет. Она не страдает. Она — момент. Идеальный, вечный момент.

Фёдор посмотрел на девочку, на застывшие слёзы, на её испуганное лицо и сказал:

— Но она плачет.

Регулятор наклонил голову:

— Она не чувствует. Время остановилось. Для неё — этого мига не существует.

Фёдор сжал сосуд:

— Значит, и счастья не существует.

— Если время не движется — ничего не существует. Ни боли. Ни радости. Ничего. Это не жизнь. Это... музей.

Регулятор выпрямился. В его голосе появилась жёсткость:

— Ты хочешь вернуть время? Ты знаешь, что тогда будет? Хаос. Слёзы. Боль. Разрушение.

Фёдор не отводил взгляд от девочки:

— И смех. И любовь. И жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.